

Лю Шэнь проснулся в одиночестве.

Достаточно странно, что он находился не в маленьком гнездышке, которое они с Чи Чжоу арендовали после выпуска.

Обстановка вокруг выглядела словно из его прошлого, как будто из «дома», в котором он какое-то время жил. С первого взгляда все казалось знакомым, но окружающее словно окутывал туман, создавая иллюзию, что он все ещё находился во сне.

Он аккуратно смахнул дымок и подобрал телефон около кровати.

В ту же секунду, как он коснулся телефона, толстая вуаль, закрывающая все, развеялась, резко вырывая из сна в реальность.

Экран засветился, и на свет появилась дата.

22 июня, день летнего солнцестояния.

А потом он посмотрел на год...

Зрачки Лю Шэня слегка расширились. Оказалось, что сейчас второй год старшей школы.

Он помнил этот год и помнил этот день.

Чи Чжоу пригласил его на свой день рождения, а он не пришел.

Его взгляд медленно опустился к тетради на столе. Он открыл страницу, исписанную одними и теми же двумя словами.

Он не специально записывал; иногда мысли уходили в сторону, и неосознанно вся тетрадь полностью заполнилась его именем.

Он все еще спал?

Лю Шэнь неуверенно ущипнул себя за руку.

Однако он не слишком об этом задумывался, поскольку подобная возможность выпадала крайне редко.

Даже если это просто сон, он хотел исправить все сожаления одно за другим.

Он закрыл глаза, и одна фраза всплыла в его сознании:

«Тебе нужно было быть настойчивее!»

«Просто прийти ко мне и прямо признаться, разложи лепестки роз, свечи в форме сердец, вывеси плакат, напиши любовное письмо, спой несколько романтических песен... Даже если бы я тогда не осознал, то был бы так тронут, что сразу же согласился встречаться с тобой».

Глаза Лю Шэня распахнулись.

Он снова разблокировал телефон и посмотрел на время.

Три часа дня. Все еще есть время, чтобы подготовиться.

Он, не раздумывая ни секунды, быстро обулся, подбегая к двери.

Сзади него раздался знакомый женский голос:

— Хей, Лю Шэнь! Куда ты идешь?

В реальности владелица этого голоса не так давно отправилась за границу, и Лю Шэнь не ожидал так скоро встретиться с ней.

Но прямо сейчас он не мог позволить себе отвлекаться на это незначительное воссоединение.

Раз он вернулся в этот день... возможно, это значит, что он должен кое-что сделать.

Он должен признаться Чи Чжоу!

Рядом с домом Лю Шэня не было цветочного магазина, так что он пробежал пару километров, прежде чем найти один в конце пешеходной улицы.

Лю Шэнь купил огромный букет розовых роз: 99 ярких и ослепительных роз.

— Для девушки? — улыбнувшись, спросил хозяин ларька.

— Еще нет, — покачал головой Лю Шэнь.

— Выглядит так, словно скоро будет, — хмыкнул и поддразнил хозяин.

— Надеюсь, — кивнул Лю Шэнь.

Купив цветы, он отправился за свечами.

С большим букетом роз в руках он выглядел так, словно направлялся на сумасбродное свидание.

Продавец свечей не мог не поддразнить, узнав, что тот собирается делать:

— Очень романтично, м? Но сегодня не день Святого Валентина.

— Сегодня день рождения, — улыбнулся Лю Шэня.

— Твоей второй половинки?

— Еще нет.

— Ты собираешься признаться, да? — знающе улыбнулся продавец.

Лю Шэнь кивнул.

— Такое признание не слишком ли старомодно? — тепло улыбнулся продавец.

Лю Шэнь замер, а потом с ноткой потакания беспомощно улыбнулся.

— Такое вполне придется по вкусу.

Подготовив все, перед Лю Шэнем возникла дилемма.

С розами и свечами было легко разобраться, но у него не было времени подготовить плакат.

*

В доме Чи Чжоу.

Друзья, которых он пригласил, уже пришли один за другим. Чи Чжоу популярен, и на его дне рождения всегда собиралось много людей.

Гусь по имени Генерал напыщенно ходила сквозь толпу, проверяя все с видом главаря.

— Чжоу, ты спросил об этом уже восемьсот раз.

— Так, ты думаешь: он придет или нет?

— Восемьсот первый раз отвечаю, — Камень закатил глаза и ответил в восемьсот первый раз, — откуда я знаю? Я не Лю Шэнь. Но если интересуешься моим мнением, он, скорее всего, не придет. Посмотри на время.

Чи Чжоу выглянул в окно.

День летнего солнцестояния, самый долгий день в году. Однако солнце снаружи уже садилось, провозглашая конец даже самого длинного дня.

Даже такой долгий день подходил к концу, а Лю Шэнь до сих пор не пришел.

Снаружи неумолчно стрекотали цикады, а внутри комната гудела праздничным шумом. Но почему-то Чи Чжоу не мог присоединиться к всеобщему веселью.

Он продолжал бросать взгляды в сторону двери, пока восклицание Камня не вернуло его в реальность.

— Ого, похоже, внизу кто-то собирается признаться.

Камень настоял, чтобы Чи Чжоу присоединился к веселью. Чи Чжоу без особого интереса посмотрел вниз и увидел свечи, выложенные в форме сердца на дороге. Автора признания не было видно, что разжигало воображение.

Камень, завидуя, радостно крикнул:

— Невероятно, у этого парня есть яйца.

Проходящая мимо староста слегка погрозила пальцем и сказала:

— Только вам, парням, такое нравится. От этого разит самолюбованием.

Камень, услышав ее комментарий, быстро отвел взгляд от свечей, выложенных в форме сердца. Он по непонятной причине замолчал, прежде чем почему-то виновато сказать:

— Это же на самом деле... не выглядит так, да?

— Насколько я знаю, никому из девочек такое не нравится... Конечно, если тот человек не признается мужчине, тут другой разговор.

Из-за ее слов Камень моментально взбудоражился. Кто может признаваться прямо под окнами дома Чи Чжоу? Может ли быть, что кто-то, кому стоит признаваться, живет рядом с Чи Чжоу?

Кроме того, вид из окна Чи Чжоу оказался слишком идеальным, почти словно кто-то специально так все подстроил.

Камень остро почувствовал, что что-то здесь не так.

— Чжоу, какая-то красавица стала жить по соседству? — толкнул он локтем Чи Чжоу.

Камень выглядел слегка озадаченным, спрашивая. Поскольку он много раз гостил у Чи Чжоу, то знал, что почти все соседи были уже в возрасте выхода на пенсию. Он никогда не видел молодых и неженатых девушек в округе.

— Не то чтобы красавица, — ответил Чи Чжоу. — Просто черепашка по имени Лили.

Дядечка по соседству воспитывал ее, заявляя, что она может принести богатство в дом.

— ... — Камень. — Тогда, в твоём доме есть ещё какие-нибудь красавицы?

Чи Чжоу искоса посмотрел на него.

— Наш питомец, Генерал, — женского пола.

— ... — Камень.

Он непроизвольно прикрыл зад.

— Забудем о ней, она слишком сильно кусается. Лучше любоваться издалека.

Чи Чжоу тихо хмыкнул и посмотрел на «знаменитость» в толпе, Генерал, расхаживающую с надменным видом, обхаживающую человеческую «рать» своими благородными перепончатыми лапками и не обращающую внимания на их обсуждение.

Чи Чжоу снова не мог не вспомнить об отсутствии Лю Шэня, чувствуя недовольство, и тихо решил, что, будь у него шанс, он бы отправил Генерал кусать зад Лю Шэня.

— Тск, этот парень и правда старается, — кто-то прокомментировал. — Он даже купил огромный букет розовых роз!

— Ты действительно можешь разглядеть, что это за цветы?

— Честно, я не уверен. Я увидел только розы. Они выглядят как розы, и они розовые, поэтому я назвал их розовыми розами.

— Почему он развернулся? Возможно, он признается кому-то в здании напротив?

Однако человек, готовивший признание внизу, словно намеренно держал все в тайне. Оставалось лишь гадать, чем он там занят, ведь он по-прежнему не показывался, только сильнее подливая масла в огонь любопытства.

Только Чи Чжоу был незаинтересован. Он поднял взгляд в небо: теперь тьма полностью властвовала снаружи.

Даже такой длинный день подошел к концу, а Лю Шэнь до сих пор не явился.

Скорее всего, как и сказал Камень, он не придет.

Если тот не собирается приходить, то так тому и быть. Кого волновало: придет он или нет? Как и сказал Камень: Лю Шэнь и правда волновал его так сильно?

Чи Чжоу раздраженно открыл банку колы, выливая ее в себя, словно алкоголик запивающий горечь, как будто опьянеет от кока-колы.

Вдруг, маленькая точка появилась на небе вместе со слабым жужжащим звуком.

Чи Чжоу был знаком этот звук: это дрон!

Наконец-то что-то привлекло его внимание. Уставившись на маленькую точку, он направил все свое внимание на нее, словно пытаясь отвлечься от мысли, появится Лю Шэнь или нет.

Точка увеличивалась в его поле зрения, все приближаясь и приближаясь.

В конце концов он застыл снаружи окна, к которому прислонялся Чи Чжоу.

Дрон остановился на уровне его глаз, словно желая, чтобы Чи Чжоу его заметил.

Он потерялся?

Первая мысль Чи Чжоу была о том, что какой-то ребенок запустил дрон и из-за недостатка опыта увел его за предел досягаемости, и тот не мог вернуться.

Но потом дрон начал вырисовывать знакомую фигуру.

Он сделал полкруга влево, потом полкруга вправо — повторяя процесс снова и снова.

После пяти раз Чи Чжоу внезапно понял: кажется, тот вырисовывает сердце!

Это довольно круто. Дрон уверенно держался перед ним, повторяя одно и то же, каждый узор в форме сердца был почти полностью идентичен предыдущему.

В эту секунду внимание Чи Чжоу было полностью сфокусировано на рисунке. Только сейчас он заметил, что дрон, казалось, нес что-то.

Он застрял и не мог улететь?

Чи Чжоу раздумывал, может ли хозяин видеть трансляцию с дрона.

Чи Чжоу решил: что если может, то он может помочь направить его.

Как только он протянул руку, тонкий лист бумаги упал точно ему на ладонь.

От бумаги исходил слабый аромат, а в правом нижнем углу был аккуратно прикреплен розовый лепесток. Тщательное подготовленное любовное послание.

На нем оказались написаны лишь два слова:

«Посмотри вниз».

Следуя инструкции, Чи Чжоу опустил взгляд.

Даже в это мгновение он не мог понять, кому предназначалась эта записка.

Потом он увидел знакомую фигуру. Человек, о котором думал весь день и кого до сих пор так и не дождался.

Лю Шэнь!

Чи Чжоу с удивлением уставился на Лю Шэня, управляющего дроном. Словно почувствовав его взгляд, тот посмотрел вверх.

Их глаза встретились, а дрон, выполнив миссию, послушно и тихо улетел.

Лю Шэнь слегка отошел, чтобы показать, над чем так долго работал.

Под светом свечей лепестки цветов сформировали уникальный баннер.

Центральная строка текста, составленная из лепестков, выделялась больше всего.

Простая фраза:

«Ты мне нравишься».

Лю Шэнь запрокинул голову, чтобы встретиться взглядом с Чи Чжоу. Темные, глубокие глаза, словно ночное небо, были сосредоточены на одном человеке, не оставляя места для чего-либо еще.

Эмоции, заключенные в них, оказались так сильны, что Чи Чжоу неосознанно отступил на шаг назад.

Чи Чжоу посмотрел по сторонам: никого другого рядом не было, все разбежались по сторонам.

— Боже мой, это действительно Лю Шэнь?..

— Я под чем-то или напился колы? Лю Шэнь? А?

Как раз когда Чи Чжоу подумал, что Лю Шэнь опять что-то разыгрывает или перепутал его с кем-то, тот вдруг заговорил:

— Чи Чжоу.

Он позвал его полным именем с чувством торжественности, которую Чи Чжоу никогда раньше не слышал от него.

— Ты мне нравишься.

Он говорил негромко, но настолько ясно, что услышали все.

Каждый ошалел. Они оказались настолько потрясены, что даже не могли подобрать слов для описания своих чувств, как будто в самом словаре не было подходящих для этого выражений.

Мозг Чи Чжоу полностью замер. Он обернулся статуей.

— В него что-то вселилось? — совершенно сбитый с толку пробормотал Камень.

Не только у него возник этот вопрос. Все присутствующие были настолько ошеломлены, что даже начали сомневаться, не померещилось ли им все это после такого количества выпитой колы.

Некоторое время спустя Камень сумел прийти только к одному правдоподобному объяснению из множества возможностей:

— Он сошел с ума.

Чи Чжоу вырвался в реальность из шока, его лицо становилось все горячее и горячее, покраснев до кончиков ушей. Вскоре все его тело вспыхнуло.

«Сумасшествие. Эта собака Лю Шэнь, что за чертовщину он творит?!»

Говоря по-честному, Чи Чжоу, как и все натуралы, думал, что признание со свечами и цветами было крутым и романтичным.

Но, когда признались именно ему, а признавшимся человеком оказался Лю Шэнь, все ощущалось абсолютно по-другому.

Действия Лю Шэня успешно не давали Чи Чжоу заснуть всю ночь.

Каждый раз, когда Чи Чжоу закрывал глаза, он думал о Лю Шэне и сцене признания, которую мог описать только как знаковую.

На его столе лежал букет ослепительных 99 цветущих роз, ясно показывая страсть дарящего.

Чи Чжоу не знал, что с ним делать. Букет словно обжигал. Он не рискнул к нему прикоснуться и даже не стал долго на него смотреть, будто от одного взгляда мог обжечься.

Сказав те два предложения, Лю Шэнь даже спел нежную любовную песню, прежде чем лично вручить Чи Чжоу букет розовых роз. Он также отдал Чи Чжоу дрон, летавший снаружи окна, как подарок на день рождения.

Когда он передавал его Чи Чжоу, Лю Шэнь даже сказал:

— Я изменил алгоритм. Он больше не потеряется.

Чи Чжоу даже не осмыслил признание, когда Лю Шэнь подошел отдать ему подарок на день рождения — и не просто подарок, а дрон. Колоссальное количество удивления заполнило Чи Чжоу.

Даже если это шутка... не слишком ли она экзотическая?

— Тебя отравили? — в прострации не мог не спросить Чи Чжоу.

Лю Шэнь нашел веселым озадаченное выражение лица Чи Чжоу. Обычные напряжение и враждебность между ними прежде не позволяли Чи Чжоу выглядеть настолько растерянным.

— Нет, — быстро улыбнулся Лю Шэнь.

Держа дрон в руках, Чи Чжоу выдвинул еще одну догадку:

— Ты неизлечимо болен?

Иначе зачем ему дарить дрон, и именно ему?

Чи Чжоу собирался напомнить Лю Шэню об их знаменитых отвратительных отношениях; они даже не друзья.

— Нет, — ответил Лю Шэнь.

А потом очень серьезно добавил:

— Ты мне действительно нравишься. И счастливого дня рождения.

Над этими двумя предложениями Чи Чжоу продолжал раздумывать всю ночь.

Лю Шэнь не сказал ничего показного и неискренного и при этом не повел себя как типичный натурал, попросив Чи Чжоу встречаться, ставя его в ситуацию, где он не мог отказаться под всеобщим вниманием.

Событие оказалось грандиозным, но Чи Чжоу не ощутил себя загнанным.

Лю Шэнь просто использовал ослепительные методы, чтобы выразить свои чувства.

Чи Чжоу до утра смотрел в потолок, его мысли бесконечно крутились:

«Почему Лю Шэнь вдруг решил признаться? Это было слишком резко!..»

Изначально он думал так:

«Если Лю Шэнь придет на день рождения, я забуду о прошлом».

Кто бы мог подумать, что Лю Шэнь придет не для того, чтобы наладить их дружбу, а ради чего-то совершенно другого.

А ему теперь что делать со всем этим?

После долгих размышлений Чи Чжоу пришел к выводу, что назвать это шуткой будет наиболее разумно, исходя из их отношений.

Но... кто в здравом уме стал бы так кропотливо готовиться ко всему этому только для того, чтобы увидеть шокированное выражение лица во время признания? Это же чистейший самосаботаж, разве нет?

... Хотя, безусловно, выражение его лица, скорее всего, выглядело довольно глупо.

К тому времени едва видимые темные круги появились под глазами Чи Чжоу.

К несчастью, неважно, насколько озадачен он был, выходные в итоге заканчиваются, и ему нужно идти в школу.

В школе Чи Чжоу был таким же популярным, как и всегда: звезда, обожаемая всеми.

Ничего, казалось, не изменилось в том, как люди относились к нему, но ночное признание сделало Чи Чжоу и Лю Шэня самой популярной темой для разговоров.

Даже Камень не мог устоять перед желанием подойти к Чи Чжоу, как только увидел его.

— Чжоу, я думал об этом всю ночь и все еще не могу понять. Лю Шэнь и правда признался тебе?

— Черт, чтоб я знал, — ответил Чи Чжоу с огромными кругами под глазами.

— Разве он не натурал? — поднажал Камень.

— Откуда я знаю? — это также беспокоило Чи Чжоу.

— Эй, Лю Шэнь здесь, — сказал Камень, вытягивая голову в сторону двери и виляя бровями в сторону Чи Чжоу.

При упоминании Лю Шэня Чи Чжоу мгновенно улетел к своей парте, словно бежал от ружья, прячась за учебником, и притворился, что читает.

— Что с тобой? — озадачился его реакцией Камень.

— Я читаю перед уроками, — сказал Чи Чжоу.

Камень безжалостно разоблачил его.

— Читает перед уроками моя жопа. С каких это пор ты по своему желанию берешь учебник по английскому? И сегодня у нас первым уроком китайский.

— Не напоминай, — отмахнулся от него Чи Чжоу, намекая Камню поторопиться и занять свое место. — Я занимаюсь.

Краем глаза он следил за движениями Лю Шэня, наблюдая, как тот входит через переднюю дверь и проходит в класс.

Только после того, как Лю Шэнь явно сел за парту, Чи Чжоу наконец-то опустил усыпляющий учебник по английскому.

... Это было близко.

Чи Чжоу не знал, почему избегает Лю Шэня: его тело вело себя бессознательно. Возможно, потому, что подсознательно не знал, как предстать перед Лю Шэнем после признания.

Чего он не заметил, так это того, что, как только он опустил книгу, взгляд Лю Шэня перелетел через ряды парт и стульев, останавливаясь четко на нем.

Лю Шэнь подумал о тех уверенных словах Чи Чжоу:

«Даже если бы я тогда не осознал, то был бы так тронут, что сразу же согласился встречаться с тобой».

Прошло три дня. Насколько он оказался тронут? Он никогда не слышал, чтобы кто-то оказался настолько тронут, что начал избегать человека, тронувшего его.

«Лгунишка», — про себя вздохнул Лю Шэнь. Его было не так легко расположить, как тот заявлял.

Весь день Чи Чжоу продолжал избегать Лю Шэня.

Он никогда не чувствовал себя стесненным. В прошлом он во всем соревновался с Лю Шэнем, даже в том, кто первым войдет в класс. Но сейчас он избегал Лю Шэня везде; обходя крюками, если необходимо.

После целого дня избегания Чи Чжоу начал гадать:

«Может быть, шутка Лю Шэня в том, чтобы своим поведением ставить людей в неловкое положение и загонять их в тупик, превращая это в своеобразную шалость?»

Три дня Чи Чжоу держал дистанцию. Круги под глазами все темнели и темнели, но он все еще не мог понять, почему Лю Шэнь сделал то, что сделал.

Однако, их запутанная судьба неизбежна. Избегание было тщетным.

Несколько дней спустя учительница изменила рассадку в классе, сформировав учебные группы из соседей по парте.

Чи Чжоу и Лю Шэня посадили вместе, отчего они стали самым привлекающим внимание дуэтом в классе.

Во время их первого урока после новой рассадки Чи Чжоу сидел ровно, словно пальма, пристально глядя перед собой. Даже несмотря на то, что доска была забита английским текстом, он отказывался смотреть в другую сторону.

Учительница английского, удивленная, надела очки, чтобы присмотреться, и театрально воскликнула:

— О мой, такой внимательный и сосредоточенный ученик в моем классе. Это действительно Чи Чжоу?

Чи Чжоу и правда выглядел сосредоточенным на уроке, но его сознание находилось не здесь.

Один и тот же вопрос продолжал доставать его:

«Зачем Лю Шэнь это делает?»

После звонка Лю Шэнь позвал Чи Чжоу, проведшего весь урок под похвалами учительницы английского.

— Ты меня избегаешь? — перешел к делу Лю Шэнь.

Чи Чжоу преувеличенно вздохнул и пренебрежительно сказал:

— Зачем мне тебя избегать?

Лю Шэнь замер на секунду, прежде чем осторожно спросить:

— Потому что я признался тебе?

Он сказал слово «признался» так открыто и прямо, что Чи Чжоу почувствовал, как краснеет его лицо.

Этот парень специально играет с ним?

— Тебе не понравился? — спросил Лю Шэнь.

— Что не понравился? — застыл Чи Чжоу.

Лю Шэнь колебался, словно проглатывая слова, которые хотел сказать изначально, и вместо этого выбрал ответ полегче:

— Букет.

Чи Чжоу выдохнул с облегчением; на мгновение он подумал, что Лю Шэнь собирается сказать «я».

Честно говоря, букет и правда прекрасен. В мире Чи Чжоу цветы делились на две категории: розы и все, что не розы.

И так получилось, что Лю Шэнь подарил именно те, что он знал, в нетрадиционном розовом цвете.

—... Мне понравилось. Спасибо, — Чи Чжоу стиснул зубы и сказал правду, но потом быстро сменил тему. — Но почему ты подарил мне цветы?

И добавил запоздалую мысль:

— Кроме того, у меня нет аллергии на пыльцу.

Подразумевая следующее: не думай, что сможешь использовать цветы в качестве хитрого трюка, чтобы обмануть меня — это не сработает.

Чи Чжоу не мог придумать другой причины такого поведения Лю Шэня.

— Я объяснял причину множество раз, но я не возражаю сказать еще раз, — приняв серьезный вид, искренне сказал он. — Потому что ты мне нравишься.

— Я натурал, так что не думай, что можешь играть со мной, — выплюнул Чи Чжоу и улетел.

Если бы это был обычный безразличный Лю Шэнь, Чи Чжоу ощущал бы себя уверенно, потому что понимал его.

Но этот новый Лю Шэнь, которому, казалось, вживили чип смены личности, — совсем другая история. Он больше не игнорировал людей и не вел себя безучастно. Вместо этого его взгляд приклеился к Чи Чжоу. Его внимание полностью сосредоточилось на Чи Чжоу, это было почти невыносимо.

После стольких отказов Лю Шэнь терпеливо ждал, пока Чи Чжоу все поймет, но этого так и не случилось.

В конце концов Лю Шэнь пришел к тому, что у Чи Чжоу понятная реакция.

Все-таки сейчас они все еще «враги». Нелегко изменить чье-то мировоззрение.

Размышляя о своем подходе, Лю Шэнь решил, что ему нужно больше стараться.

На второй день новообретенной решимости.

Чи Чжоу обнаружил чрезвычайно официальное любовное письмо на парте, положенное четко туда, где он не сможет пропустить его.

Письмо оказалось продумано до мелочей: для него выбрали особую бумагу, а от листа исходил легкий приятный аромат.

В нем лежало целых три страницы текста.

Навыки письма Лю Шэня показались во всей красе: тема, аргументы и подтверждение — все четко изложено. Язык был не слишком витиеват, но логика безупречна.

Короче говоря, письмо явно выказывало причины, почему Лю Шэню нравился Чи Чжоу.

Чи Чжоу приходилось останавливаться каждые три строчки, чтобы осмыслить написанное. Спустя лишь несколько строк он покраснел до кончиков ушей.

Не только потому, что это любовное письмо, а потому, что оно от Лю Шэня.

Чи Чжоу раньше получал любовные письма, но никогда не видел чего-то похожего на это.

Множеству людей нравился Чи Чжоу, но только у Лю Шэня хватило наглости пронумеровать причины, как в каком-то документе.

Даже такие нелепые причины, как «я думаю, что ты милый», были написаны.

Чи Чжоу уставился на эту нелепицу, и его сердце забилося быстрее.

Он решил, что разозлился на Лю Шэня.

И вот так, сдерживаясь полмесяца, Чи Чжоу наконец взорвался.

— Эй, — позвал он Лю Шэня. — Тебе хватило? Ты что, подсел на это?

— Я серьезен, — просто ответил Лю Шэнь.

— Не может быть, чтобы я серьезно тебе нравился, а? — даже простая мысль об этом раздражала Чи Чжоу. Кто дал Лю Шэню право, вот так играть с ним? А ведь Чи Чжоу даже рассматривал возможность дружбы с ним!

— Почему я не могу? — спросил Лю Шэнь.

— Не думай, что я не знаю. Ты натурал! — от злости топнул ногой Чи Чжоу.

— Нет, — честно сказал Лю Шэнь. — Я вообще не натурал. И никогда им не был.

— Что ты сказал? — распахнул глаза Чи Чжоу.

— Я не натурал. Я вообще не натурал. И я никогда им не был.

— Я тебе не верю. Докажи, — выпалил Чи Чжоу, даже не задумываясь, что значит доказать сексуальность.

Лю Шэнь ни секунды зря не потратил.

На самом деле Лю Шэнь повел себя необычайно бесстрашно.

Его методы оказались не только прямолинейными, но и невероятно настойчивыми.

Возьмем сегодня, например.

У Чи Чжоу была привычка сперва делать огромный хлебок воды, надувая щеки, словно хомячок, а потом маленькими глотками выпивать остальное.

Как раз когда он открутил крышку и сделал глоток, Лю Шэнь протянул ему записку.

«Я не натурал, потому что думаю, что то, как ты пьешь воду, прелестно».

Чи Чжоу взглянул на нее и, прочитав записку, поперхнулся. Он резко отставил бутылку и начал громко кашлять.

Позже Чи Чжоу решил поиграть в баскетбол с Камнем, чтобы отмахнуть прилипший эффект сладких слов Лю Шэня, занявших его сознание.

Однако, пока он играл, Лю Шэнь тихо сидел на скамейке рядом, наблюдая.

Чи Чжоу был популярен. Хотя это была всего лишь игра и никто не воспринимал её всерьез, вокруг них собралась толпа болельщиков: и парней, и девушек.

Чи Чжоу, отвлекшись, ослабил хватку, почти отдав мяч противнику. В спешке он прыгнул и сделал данк. Мяч едва попал в корзину.

Толпа разразилась аплодисментами, но Чи Чжоу не сильно отреагировал.

Во время перерыва кто-то поблизости неловко протянул бутылку, явно желая предложить ее Чи Чжоу.

Лю Шэнь взглянул на незнакомца, а потом тихо пошел к торговому автомату, чтобы купить воды.

Чи Чжоу взял его бутылку и обнаружил кусочек бумаги в руке.

Знакомое дурное предчувствие охватило его, когда он развернул записку.

«Я не натурал, потому что думаю, что то, как ты сейчас закинул данк, было очень круто».

Чи Чжоу смял бумагу, его ладони нагрелись. Он со злостью засунул ее в карман, притворяясь, что ничего не случилось.

Отвернувшись, Чи Чжоу прижал руку к груди, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце.

«Черт, это все часть плана Лю Шэня, чтобы глумиться надо мной?!»

После школы Чи Чжоу рассеянно снял браслет с руки и положил на парту.

Браслет он купил спонтанно, потому что подумал, что тот выглядит круто. И не обращал много внимания на него с тех пор.

Без его ведома браслет привлекал внимание других. На бледной коже аксессуар выделялся, отчего людям хотелось схватить его за руку.

Чи Чжоу знал об этом, потому что получил еще одну записку.

«Я не натурал, потому что думаю, что ты выглядишь замечательно с этим браслетом».

В раздражении Чи Чжоу схватил ручку и начертил большими, широкими буквами сзади бумажки:

«ДОСТАТОЧНО!!!»

Записки Лю Шэня продолжали появляться, одна за другой, но он держал заметную дистанцию от Чи Чжоу.

После школы, когда они одновременно вышли из класса, просторная лестница стала их разделителем: Лю Шэнем с одной стороны и Чи Чжоу с другой.

Чи Чжоу подумал: «Сердце Лю Шэня нельзя понять. Он говорит все эти милые слова, но сейчас держит дистанцию».

— Почему ты стоишь так далеко, — раздраженно прокричал Чи Чжоу.

— Потому что я не натурал, как ты, и ты мне нравишься, — терпеливо объяснил Лю Шэнь. — Если я приближусь, то могу не устоять и взять тебя за руку.

—... — Чи Чжоу.

Поведения Лю Шэня ощущалось как грандиозная, продолжающаяся кампания обожания. Каждая маленькая деталь, которой он дорожил в Чи Чжоу, превращала все в картину всепоглощающей привязанности.

Всего за несколько дней Чи Чжоу получил множество записок. В каждой была описана отдельная деталь, но все были написаны одним и тем же человеком.

После того, как его называли «очаровательным» бесчисленное количество раз, Чи Чжоу больше не мог это терпеть и прокричал:

— Эй, тебе не надоело?..

— Недостаточно, — честно ответил Лю Шэнь.

—... — Чи Чжоу.

Черт, он словно сам рыл себе могилу.

Если это была какая-то продуманная шутка, Чи Чжоу пришлось признать, что методы Лю Шэня невероятно напористые.

Когда Чи Чжоу только сел рядом с Лю Шэнем, ему надоедал очкастый одноклассник.

А теперь из-за новой рассадки очкарик часто одалживал место Чи Чжоу во время периода самообучения под предлогом переписывания конспектов с урока.

Как одноклассник, Чи Чжоу не видел причин отказывать в такой малой просьбе. Он добродушно позволял другим сидеть, где они хотели.

Однако, как только очкарик потянулся к красной ручке Чи Чжоу, глубокий голос Лю Шэня холодно остановил его.

— Положи наместо.

Его голос звучал настолько ледяно, словно вьюга и снег, пробирая до костей и пробуждая неосознанный страх.

Лю Шэнь относился к Чи Чжоу никак к другим. К нему он относился с бесконечной терпеливостью и нежностью. К другим, особенно к таким, как очкарик, у него не было вообще никакой толерантности.

Подождав две секунды без ответа, Лю Шэнь потерял терпение.

Он схватил очкарика за воротник, возвышаясь над ним, и выплюнул два слова:

— Красную ручку.

Очкарик сжался, дрожа, пока вытаскивал ручку, спрятанную в рукаве, и протянул ему.

Когда Чи Чжоу вернулся и начал искать свою красную ручку, он в итоге нашел ее на стороне Лю Шэня.

— Почему моя красная ручка у тебя? — с любопытством спросил Чи Чжоу, забирая ее и не сильно задумываясь над этим.

Несколько дней спустя очкарик вернулся, попросив Чи Чжоу снова уступить место под предлогом переписывания конспекта.

Прежде чем Чи Чжоу смог ответить, Лю Шэнь холодно перебил:

— Уходи.

Не таким дружелюбным тоном, каким Чи Чжоу общался с Камнем. Никакой шутки не слышалось в голосе Лю Шэня, а Чи Чжоу удивился, увидев такое суровое выражение лица, словно тому по-настоящему не нравился очкарик.

Лю Шэнь всегда на все смотрел с безразличием, создавая впечатление, что никто не был достоин его внимания, а особенно злости. Но в этот раз Чи Чжоу почувствовал, что Лю Шэнь действительно удручен.

Очкарик же, не желая сдаваться, решил стоять на месте, предположив, что Лю Шэнь не рискнет сделать ничего радикального на глазах у всех.

Лю Шэнь, однако, взял Чи Чжоу за рукав и нахмурился:

— Не меняйся с ним.

— Почему? — посмотрел на рукав, который все еще держал Лю Шэнь, он. — Это мое место. Какое к тебе это имеет отношение?

Лю Шэнь не отпустил. Вместо этого он молча посмотрел на Чи Чжоу.

Спустя несколько секунд тишины Лю Шэнь слегка потянул за рукав, тихая просьба.

Уставившись на Чи Чжоу, он сказал с едва слышимой ноткой ранимости в голосе:

— Я хочу сидеть с тобой.

—...

Чи Чжоу никогда не знал, что у Лю Шэня такой талант играть жертву, и самое главное, он начинал поддаваться.

Хотя он не хотел признаваться в этом, его решимость ослабла.

— Прости, я не меняюсь местами, — сказал очкарику Чи Чжоу. — Ты можешь поговорить с учителем, если хочешь сесть в другое место.

Расстроенный, очкарик ушел.

Но он не был готов сдаваться. Когда тактика смены места не сработала, он прибегнул к подлостям.

И опять же Лю Шэнь не показал терпимости к его поведению.

Когда мальчик в очках потянулся к браслету Чи Чжоу, Лю Шэнь холодно остановил его.

— Положи на место.

—... Я не знаю, о чем ты говоришь, — притворился невинным очкарик.

Крепко сжимая предмет, он попытался незаметно уйти.

Но когда у него почти получилось, Лю Шэнь схватил его и прижал к стене.

— Почему ты притворяешься? Ты же такой же, как я? — прошипел очкарик. — Он тебе нравится. Он мне нравится. Какая между нами разница?

— Не сравнивай меня с собой.

Лю Шэнь выкрутил запястье парня, пока тот не заплакал он боли, уронив украденный браслет.

Лю Шэнь подобрал браслет, отряхнул его и вернул на место.

Между ними была разница.

Возможно, он не нравился Чи Чжоу, но Лю Шэнь был не против подождать, неважно, насколько долго это займет. Если он никогда не будет нравится Чи Чжоу, то Лю Шэнь будет молчаливо стоять рядом с ним, защищая его, осознает это Чи Чжоу или нет.

Он никогда не сделает ничего, что может ранить Чи Чжоу.

Лю Шэнь каждую неделю неизменно присылал по любовному письму, тщательно написанное и ни разу не повторявшее содержание предыдущих.

Чи Чжоу открыл ящик парты и обнаружил новое письмо.

— Что, ты тренируешься писать сочинения на мне?.. — прошептал он, но опять взял нож для писем и осторожно распечатал его, убедившись, что углы не пострадали.

Теперь у Чи Чжоу появилось достаточно писем, чтобы заполнить небольшую книгу. Ни одно из признаний его поклонников не могло сравниться с весом одних писем Лю Шэня.

Уже пошатнувшаяся решимость опять дрогнула. Лю Шэнь казался слишком честным, отчего Чи Чжоу не знал, как реагировать.

Лю Шэнь играл с ним?

Чи Чжоу больше не знал.

В пятницу он получил еще одно письмо.

Несмотря на то, что тот написал так много, слова Лю Шэня никогда не повторялись. В каждом письме чувствовалось свежее веяние, одевая Чи Чжоу в новый слой шока.

Возьмем, например, сегодняшнее письмо.

В сегодняшнем вступлении он был прям и сразу перешел к делу:

«Я гей. Мне нравится Чи Чжоу».

Хотя Чи Чжоу слышал и читал эти слова бесчисленное количество раз, их прямота все еще заставляла его краснеть.

Он сжал письмо так сильно, что почти смял его. Прочитав его, он подпрыгнул и вышел наружу, чтобы остыть.

Отсюда он заметил парочку, целующуюся под тенью дерева. Из-за неровной тени листьев их объятия казались несколько расплывчатыми.

По какой-то причине эта туманная сцена вдруг вдохновила Чи Чжоу.

Преисполнившись решимости, он отправился к Лю Шэню.

— Так ты говоришь, что гей, — Чи Чжоу тяжело дышал, но в голосе чувствовалось четкость. — Точно?

— Да, — не задумываясь, ответил Лю Шэнь.

— Тогда докажи. Не рассказывай сказки, сделай что-то, — сжал зубы Чи Чжоу и пустился во все тяжкие. — Если у тебя есть яйца, поцелуй меня.

Если Лю Шэнь настолько смелый, чтобы назваться геем, тогда, решил Чи Чжоу, разоблачить его стоит маленькой жертвы.

Кроме того Чи Чжоу ни на секунду не верил, что Лю Шэнь и правда его поцелует.

Если это шутка, то все должно остановиться на этом. Лю Шэнь не тот, кто пожертвует собой, чтобы поцеловать кого-то.

Раздумывая об этом, у Чи Чжоу немного выросла уверенность.

— Что не так? Боишься?

— Если я тебя поцелую, ты поверишь мне? — поднял веки и небрежно спросил Лю Шэнь.

Такой простой вопрос убил половину выстроенной уверенности Чи Чжоу.

— Да, — нервно сглотнул Чи Чжоу, голос зазвучал нерешительно. Он слегка повысил его, чтобы подстрекнуть себя же. — Не робей. Если у тебя есть яйца, давай.

Лю Шэнь три секунды молча смотрел на него, словно серьезно рассматривая возможность предложения Чи Чжоу.

У Чи Чжоу в жизни никогда не было таких длинных трех секунд.

Через две секунды он перешел от уверенного: «Невозможно, чтобы он меня поцеловал» до нервного «Он же не поцелует меня на самом деле, да?»

В последнюю секунду он запаниковал: «Что мне делать, если он и вправду меня поцелует?»

Когда сознание Чи Чжоу погрузилось в хаос. Лю Шэнь поднял руку и ласково опустил ее тому на макушку, а потом, медленно, приблизился.

Их губы были так близко, дыхания переплелись.

Перед тем как их губы куснулись, Лю Шэнь спросил:

— Все в порядке?

Чи Чжоу, уже замороженный их сближением, обнаружил, что мозг не работает. Уставившись на лицо в сантиметре от его, он обмануто кивнул.

Потом, поцелуй, мягкий, как прикосновение стрекозы, упал на его губы.

Первый поцелуй Чи Чжоу.

Поцелуй упорхнул; Лю Шэнь едва коснулся губ, прежде чем откинуться на прежнюю дистанцию.

Но невесомый контакт оказался невероятно мягок, а легкое прикосновение источало нити сладости.

У Чи Чжоу никогда не было такого опыта раньше, он нескоро сможет это забыть.

— Теперь ты мне веришь? — услышал он, как его спрашивает Лю Шэнь.

Мозг Чи Чжоу все еще плохо работал. Ранняя уверенность улетела вместе с поцелуем, отчего он был не в состоянии дать связный ответ.

После долгой паузы сознание снова начало медленно работать.

Он правда нравился Лю Шэню?

... Он правда нравился Лю Шэню!

— Я тебе действительно нравлюсь?

— Ты мне действительно нравишься, — сказал Лю Шэнь. — Я только что подтвердил это.

Он остановился, а потом спросил:

— Хочешь, чтобы я снова это сделал?

Думая о поцелуе, лицо Чи Чжоу запылало. Он быстро ответил:

— Не нужно! Так, — тупо спросил Чи Чжоу, — чего ты хочешь?

Лю Шэнь задумался, прежде чем ответить:

— Я хочу, чтобы я тебе тоже нравился.

Он не сказал: «Я хочу быть с тобой» или «Я хочу быть твоим парнем». Он просто сказал: «Я хочу, чтобы я тебе тоже нравился».

Настолько простое предложение, возможно, простейшее, но такое тяжелое.

Он не просил отношений, просто хотел признания Чи Чжоу.

Лю Шэнь точно знал, как пробраться в сердце Чи Чжоу, держа того в своей хватке.

Чи Чжоу посмотрел в глаза Лю Шэню, держащие в себе эмоции настолько глубокие, словно бездонное озеро. Если это шутка, то она зашла слишком далеко.

Казалось, что задолго до такого, как Чи Чжоу начал замечать Лю Шэня, тому он уже долгое время нравился.

По какой-то причине Чи Чжоу подумал о том, что как он не может быть геем? Такой дурак.

Сжав зубы, Чи Чжоу наконец-то смог сказать:

— Ты мне не... не нравишься.

Он задумался: Ему действительно не не нравился Лю Шэнь.

Если бы он ему не нравился, то раньше он бы так сильно не хотел поговорить, так сильно не хотел бы стать друзьями.

В глазах Лю Шэня посветлело, словно слова Чи Чжоу окутали его в звездном свете.

— Но, — нерешительно добавил Чи Чжоу. — Я не готов... принять все так рано.

— Все в порядке, — улыбнулся Лю Шэнь. — Я очень терпеливый.

Чи Чжоу сжал губы.

Некоторое время спустя он неловко спросил:

— В эти выходные проходит техническая выставка. Хочешь пойти вместе?

— Кто идет? — спросил Лю Шэнь.

— Я.

— И?

— Только я.

Осознав, что «вместе» Чи Чжоу включало только их вдвоем, Лю Шэнь цокнул, прежде чем согласиться.

*

Выходные.

Сегодня был первый день выставки, и место гудело от посетителей.

Мероприятие пользовалось большой популярностью, и они вошли в толстую толпу, чтобы занять очередь. Пока они стояли, Чи Чжоу споткнулся о чью-то ногу и почти упал.

Неосознанно он схватил кого-то поблизости, чтобы остаться на ногах. К счастью, Лю Шэнь стоял прямо рядом с ним, и Чи Чжоу ухватил того за руку.

Лю Шэнь осторожно поддерживал его, прежде чем опустить и вернуться на прежнее расстояние.

Однако, вскоре после того, как он опустил, Чи Чжоу снова взял его руку.

— Почему ты так далеко стоишь? — взял инициативу на себя Чи Чжоу.

Лю Шэнь поднял брови. Расстояние между было лишь около ширины ладони.

— Подержи ее у себя, — крепче сжал руку Лю Шэня Чи Чжоу.

А потом добавил в качестве оправдания:

— Здесь слишком много людей!

Затем, словно желая скрыть смущение, пояснил:

— Я просто временно подержусь.

— Я позабочусь о ней, — кивнул и подыграл Лю Шэнь.

Он не разбрасывался словами, а действительно имел в виду. Из-за того, что они держались за руки, то стояли близко друг к другу. Лю Шэнь крепко держал руку Чи Чжоу, надежно окружая его своей заботой.

Ладонь Чи Чжоу постепенно теплела. Рука Лю Шэня ощущалась, словно одно из его любовных писем.

Настолько же страстное, настолько же искреннее.

Пока они стояли Чи Чжоу не мог не спросить вопрос, который тревожил его долгое время:

— На мое день рождения, почему ты признался именно так?

Лю Шэнь замер на секунду.

— Ты сказал, что тебе такое нравится.

Чи Чжоу был совершенно сбит с толку. Он не помнил, чтобы говорил чего-то настолько

содержательного.

— Когда я такое говорил?

Лю Шэнь задумался на секунду и предпочел более разговорное, более легкое для восприятия объяснение:

— Во сне.

А потом вдруг спросил:

— Тебе не нравится?

— Не то чтобы не нравится.

Чи Чжоу глубоко выдохнул. Он когда-то решил, что если ему будет кто-то нравиться, то он признается тому человеку точно также. Он продумал каждый шаг: цветы, свечи, любовное письмо и дрон.

Кто мог бы подумать, что Лю Шэнь украдет у него идею?

— Такой хороший способ, и ты использовал его!

Услышав это, Лю Шэнь не мог не засмеяться:

— Все в порядке. Во сне ты мне уже так признался.

К счастью, Чи Чжоу не долго думал на этой темой. Вскоре после взлетающие дроны поймали его внимание.

— Кажется там выступление, — радостно сказал Чи Чжоу.

С наступлением ночи началось выступление дронов.

Более сотни дронов взмыло в небо, формируя ослепительные огни. На мгновение ночное небо стало таким же ярким, как дневное.

Начала играть музыка, и дроны медленно изменили позицию одновременно с битом.

В момент, когда сотня дронов сформировала сложный рисунок сердца, толпа взорвалась трепетом и восклицаниями.

Бесчисленные дроны непрерывно меняли положение, а струящийся свет в ночном небе расцветал, словно фейерверк. Но он был куда долговечнее фейерверков и ярче звездного света.

И все же ради любви этот свет мог на мгновение замереть.

— Поцелуй меня снова, — Чи Чжоу потянул Лю Шэня за воротник, опуская голову. — Поторопись, или начнется другой рисунок!

— Разве ты не сказал, что не готов принять так рано.

— Могу! — перебил Чи Чжоу, быстро говоря. — Я все понял! Я говорю, что сейчас могу!

Лю Шэнь засмеялся, опуская голову, чтобы поцеловать его.

Под необъятным небом два человека, держась за руки, целовались под фейерверками,
приносящими дневной свет.

<http://bllate.org/book/15922/1988220>